

ВСТРЕЧА НА КАТЕРЕ

Цезарь СОЛОДАРЬ

Рассказ «Встреча на катере» премирован на литературном конкурсе Союза писателей СССР в честь 30-летия Польской Народной Республики. В дни праздника польского народа он был опубликован варшавской газетой «Экспресс вечорны».

1

НЕТ для меня в Крыму большего удовольствия, чем смотреть на зелено-белую горную грядку с мчащегося по морю катера.

Такое увлечение разделяют многие гости Крыма — ныне я смог убедиться в этом во время первой же морской прогулки. Седой, слегка прихрамывающий, но молодежавый и осанистый, человек с палкой, который сел на катер вместе со мной в Ялте, так и не сошел в Гурзуфе. Он только пересел с левого борта на правый, чтобы лучше можно было разглядеть берег и горы.

Усевшись рядом с незнакомцем, я заметил в его руке небольшую книжечку. «Ялта, любовь моя» — эти слова были вытиснены золотом на белом матерчатом переплете. Книжка заинтересовала меня, и я собрался было заговорить о ней со стариком.

Но обоих нас неожиданно отвлекли веселые восклицания на польском языке. Буквально за несколько минут до отхода на катере появились несколько польских туристов. Целиком свободных скамеек уже не было, и новым пассажирам пришлось поодиночке рассестись на корме и на носу катера.

К нашей скамейке направилась невысокого роста девушка. Хоть одета она была совсем не по-спортивному, в ней нетрудно было разглядеть причастного к спорту человека.

Девушка хотела усесться с краешка. И, чтобы высободить для нее побольше места, человек с палкой убрал со скамьи свой светло-коричневый пиджак.

Девушка улыбкой поблагодарила незнакомца. А когда он поло-

3

да вступила в истерзанную и разрушенную гитлеровцами Варшаву сразу же вслед за частями 1-й армии Войска Польского.

Нет, связист из Сибири так и не увидел тогда польской столицы. За день до этого он был на рассвете тяжело ранен, когда под огнем врага восстанавливал поврежденную полковую связь. Его эвакуировали в госпиталь близ Ченстохова...

А Варшаву, возрожденную и помолодевшую, сибиряк увидел только девятнадцать лет спустя.

Ядзя была тогда десятилетней школьницей. Она часто рассматривала хранившуюся в письменном столе медаль — точно такую же, как у нового знакомого. Отец в праздничные дни — к удовольствию дочери — прикалывал медаль к пиджаку.

Сейчас Ядзя вместе с другими туристами возвращалась в Ялту из Гурзуфа, где осматривала домик Пушкина. Пожилая спутница полуслушала упрекала девушку за то, что по ее вине они опаздывают в отель к ужину.

Неожиданно я услышал стихи. Показывая рукой на удалявшиеся очертания Гурзуфа, сибиряк читал из книжки о Ялте своим новым знакомым стихотворение Адама Мицкевича «Аю-Даг»:

Мне любо, Аю-Даг, следить

с твоих камней,

Как черный вал идет,

клубясь и нарастая,

Обрушится, вскипит и,

серебром блистая,

Рассыплет крупный дождь

из радужных огней...

Пятеро улыбок стали сообща

припоминать, как звучат по-польски эти строки из замечательных

2

жил пиджак себе на колени, она устремилась взгляд на пестревшие над пиджачным кармашком орденские ленточки в три ряда.

Старик заметил, что девушка не отрывает глаз от ленточек. Он вопросительно посмотрел на нее.

— У вас польская военная медаль, — поспешила смущенная девушка оправдать свое любопытство, с трудом подбирая русские слова.

Старик утвердительно кивнул и, с немалым трудом подбирая польские слова, спросил:

— А вы знаете, что и эта награда тоже связана с вашей родиной? — Он показал пальцем на красно-голубую ленточку с золотым ободком.

Девушка отрицательно покачала головой. Незнакомец объяснил ей:

— Это медаль «За освобождение Варшавы». Наша, советская.

Девушка, воскликнув что-то по-польски, мгновенно вскочила со скамейки и быстро побежала на корму. Вскоре она вернулась с молодой женщиной, двумя своими сверстницами и высоким юношей.

Все они представились моему соседу. Я не запомнил их имен. Помню только, что все они — варшавяне и что первую девушку зовут Ядзей.

Уступив место на скамейке пожилой варшавянке, я мог услышать только отрывки оживленной беседы. Но существо я понял.

Человек с палкой оказался сибиряком, ветеринарным работником из Омска. На варшавском плацдарме он сражался связистом в частях 61-й армии генерала Белова, которая 17 января 1945 го-

4

«Крымских советов» великого поэта.

Катер причалил к Никитскому ботаническому саду — последней остановке перед Ялтой. И тут я с удивлением услышал, что новые знакомые сибиряка решили вместе с ним первым же катером поехать обратно в Гурзуф.

Почему? Я не мог не спросить об этом Ядзю.

— На рассвете мы покидаем Крым, — ответила девушка. — И, подумайте, даже не разглядели как следует Аю-Даг. А ведь он вдохновил Мицкевича на такие чудные стихи! И еще... еще хочется подольше побеседовать с человеком, который... который, можно сказать, наш земляк. Ну, а ужин...

— А ужин можно съесть и остывшим, — вмешалась в разговор пожилая варшавянка. — От этого, как известно, меньше полнеют...

На следующее утро я прочитал книжку «Ялта, любовь моя». Среди стихов, рассказов и высказываний знаменитых людей о жемчужине Крыма я встретил слова Мицкевича:

«Часть Крыма между горами и морем, представляет одну из прекраснейших местностей в мире. Небо так же чисто и климат так же мягок, как и в Италии, но зелень красивее. Попадаются леса и тень, которых так мало в Италии».

Знает ли эти слова молодая варшавянка Ядзя?

Хочется, чтобы знала. Тогда, вероятно, радостные воспоминания о благодатном Крыме и памятной встрече на катере еще глубже запечатлеются в ее сердце.